

Я. В. МЫЗНИКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
janinam@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ *

Сфера склонения в русских говорах Ульяновской области имеет множество интересных особенностей. В статье описывается специфика склонения существительных, местоимений, прилагательных и числительных. В сфере словоизменения существительных в парадигме множественного числа особенно устойчивы диалектные формы родительного и творительного падежей. Существенные диалектные особенности присутствуют в парадигмах склонения местоимений и некоторых прилагательных. Так, в системе словоизменения местоимений можно отметить особый тип склонения с гласным *e* в окончаниях падежных форм множественного числа. Наконец, следует отметить использование в речи неизменяемых форм числительных со значением больше десяти.

Ключевые слова: именное словоизменение, русские говоры, диалектные особенности, парадигма склонения, заднеязычные согласные, падежные формы.

Вводные замечания

В данном исследовании рассматриваются такие особенности именного словоизменения в говорах Ульяновской области, которые составляют специфику этих говоров в сравнении с литературным языком. В первую очередь это особенности, являющиеся систематическими, т. е. представленные не отдельными случайными примерами, но массово, в системе. При этом будут прокомментированы и те явления, которые были зафиксированы на незначительном числе примеров. Последовательность рассмотрения частей речи также соответствует значимости и устойчивости диалектных черт, характеризующих каждую из частей речи.

Материалом для исследования послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2018 г. в левобережной части

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта №17-29-09021 «Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия», реализованном в Санкт-Петербургском государственном университете. Автор благодарит двух анонимных рецензентов за ценные советы и замечания.

Ульяновской области, в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов. В настоящее время большинство жителей всех обследованных населённых пунктов считают себя русскими, хотя этнический состав коренных жителей этих мест составляли чуваша, мордва и татары. По словам Ю. Н. Мордвинова, часть исследуемых сёл в конце XVII в. была заселена крещёной мордвой [Мордвинов 2007: 156, 258]. В лингвистическом отношении изучаемые говоры представляют собой типичные для Среднего Поволжья говоры с неполным оканьем и редукцией гласных в большинстве непредударных слогов. При выраженной владимирско-поволжской основе в говорах Симбирского Заволжья отмечены и некоторые южнорусские черты [Мызникова 2015: 60].

Сфера склонения в русских говорах Ульяновской области имеет множество интересных особенностей. Наибольшее число диалектных форм зафиксировано в сфере заместительно-указательной лексики, но и другие лексико-грамматические разряды имён обладают рядом диалектных черт. Рассмотрим наиболее значимые для русских говоров Симбирского Заволжья особенности именного словоизменения в сфере отдельных частей речи.

1. Особенности склонения существительных

Наиболее существенные диалектные особенности падежных форм существительных представлены в следующем порядке: от наиболее значимых и употребительных до наименее выраженных в речи.

1.1. Специфика словоизменения в русских говорах Ульяновской области в наибольшей степени выражена у имён с основами на заднеязычный согласный. Существительные с основой на заднеязычный согласный (чаще всего встречаются основы на *-к*) и с ударением на основе, независимо от своей родовой принадлежности (*верёвка, кустарник, яблоко, цыплятки* и т. д.), в форме твор. п. мн. ч. имеют «местоимённое», но безударное окончание *-ими* (ср.: *ими, твоими, другими*) вместо закономерного *-ами*, например: *Я вот шас со фсеми **прибафкими** пять тысяч получаю* (Кремёнки Старомайн.); *Иди садись, с **дефчоначками** посидим* (Красная Река Старомайн.); *С другой стороны накладываеца ешо одна сетка с большими **ячейками*** (Старая Майна Старомайн.); *Оне беж жон осталис **бродягими*** (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.). В наших записях зафиксировано несколько десятков подобных примеров с разными существительными с основой на *-к* и *-г*, они отражены и в речи получивших образование информантов. В словах с флективным ударением зафиксированы общеупотребительные окончания: *Но он вот первые-ть разы он мяхкый хороший, а потом делаеца вот такими **жэзваками*** (Старая Майна Старомайн.).

Т. Ф. Зиброва и Ю. Д. Фурман, исследовав данное явление на материале самарских говоров, приходят к выводу, что «ареал данного явления на территории Самарского края достаточно широк» [Зиброва, Фурман 2012: 232]

и отмечают «факты фиксации форм на *-ими* в речи городских жителей, при этом не только у людей среднего и пожилого возраста, но и в речи молодежи» [Там же: 233]. В целом формы на *-ими* исследователи характеризуют как черту «восточных южнорусских говоров, не чужды они также акающим среднерусским и среднерусским восточным неполноакающим говорам» [Там же: 232]. Эту же особенность описывает С. А. Мызников как характерную черту русских говоров Чувашской Республики и Республики Марий Эл [Мызников 2005: 77].

Можно было бы предположить в данном случае влияние на склонение этих слов формы твор. п. местоимённых прилагательных с основой на заднеязычный согласный (*какими, такими, другими*), а также полнозначных прилагательных на заднеязычный (*маленькими, строгими*). В то же время другие падежные формы (например, дат. п. мн. ч. или предл. п. мн. ч.) такого влияния не отражают: *Да в горат моталас к сроцтвеникам* (Крестово-Городище Чердаклин.); *Эт назывались посетки: на посетках были* (Старая Майна Старомайн.).

Гипотезу о возникновении окончания *-ими* в твор. п. мн. ч. существительных под влиянием аналогичного окончания прилагательных считает наиболее обоснованной Л. Н. Булатова [1981: 110]. Описывая механизм этого воздействия, Р. И. Аванесов указывает, что унификация форм прилагательных и существительных могла произойти в результате фонетического совпадения в произношении безударных окончаний творительного падежа множественного числа у существительных и прилагательных с основой на твердый незаднеязычный и мягкий согласный. Это воздействие проявилось в возникновении окончания *-ими* у существительных на заднеязычный согласный [Аванесов 1949: 211–213]. Интересно, что в этих же говорах в окончаниях им. п. прилагательных м. р. ед. ч. после заднеязычного звука основы произносится гласный переднего ряда: *Грусть он белъй, горькый, эдакый вот он* (Кремёнки Старомайн.); *Котёл глубокий* (Старая Майна Старомайн.).

Был зафиксирован также один интересный пример на форму предл. п. мн. ч. у слова с основой на заднеязычный согласный: *А хмель — он вдоль речки там где-та в лопухех растёт* (Красная Река Старомайн.). Однако ввиду его единичности в данном случае делать какие-то обобщения невозможно.

1.2. Из других особенностей склонения существительных можно отметить частотность показателя *-ов (-ев)* для род. п. мн. ч. существительных ж. р. с основой на *-а*: *О, травоф-ть фсяких навалам* (Кремёнки Старомайн.); *Змееф у нас нет* (Кремёнки Старомайн.); *Щас уже нет мордвоф-ть* (Красная Река Старомайн.); *Петушкоф от молоткаф отличают, как же* (Красная Река Старомайн.); *Ну далинаф пално на-паль-ты* (Кременские Выселки Старомайн.). Отметим, что данное окончание абсолютно преобладает в формах род. п. мн. ч. существительных любых основ и типов склонения: *бапкаф, свекровьеф, медалиф, коленеф, местоф, озёраф, ягнятаф, вален-*

каф, *кадушкаф* и др. Распространение этого окончания на слова женского рода может свидетельствовать о процессах унификации показателя род. п. мн. ч. у существительных. Не удалось зафиксировать окончания *-ов* для слов м. р. с мягкой основой (типа *лннь*, *окунь*), в этом случае встречаем окончание *-ей*: *Утрам пойду добеда: ведро цзло укуней* (Старый Белый Яр Чердаклин.). Широкое распространение окончания *-ов* у существительных мн. ч. женского и среднего рода характерно для многих говоров, но особенно для говоров южнорусского наречия [Аванесов, Орлова 1964: 114].

1.3. Категория одушевлённости применительно к названиям животных во мн. ч. может не проявляться, т. е. форма вин. п. совпадает с формой им. п.: *Овечки держали ф колхозе* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Кошки-ть фсе на имя называют* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Привезём и лини, и шиуки, и караси, — фсяка рыба, баушка солила шиуки* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *А Студёна была — коровы пасли мы* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *Вот доржали по две коровы, свиной, гуси, утки, куры, пёрки* Крестово-Городище Чердаклин.). Однако надо отметить значительное число форм вин. п., совпадающих с формами род. п.: *Свиной дёржал, быкоф колол, курицы были, утки были* (Красная Река Старомайн.). В последней иллюстрации проявляется специфика диалектного высказывания: в рамках одного перечисления наименования живности в начальной позиции используются сперва в функции объекта, а затем — субъекта. Вообще им. п. существительного в начальной позиции в диалектном высказывании заслуживает особого внимания, т. к. он может выступать в качестве аналога именительного темы для фиксации мысли говорящего на определённом предмете. Вместо паузы, отделяющей именительный темы, может использоваться, например, приименная частица: *Кошки-ть фсе на имя называют* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.). Таким образом, с уверенностью говорить об отсутствии одушевлённости применительно к формам множественного числа названий животных и птиц нельзя.

1.4. Были зафиксированы и некоторые диалектные особенности склонения существительных ж. р. на *-а* в единственном числе, однако все эти особенности отмечены на незначительном количестве примеров. Так, у существительных ж. р. на *-а* (*мама*, *корова*) в род. п. ед. ч. с предлогом *у* отмечено окончание *-е*, которое в заударной позиции в говоре с неполным оканьем реализуется как *-и*: *У каждой корови есть имя своё* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Двойня была у корови* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Нас чытыри у маме осталас* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *Война шла, мы у маме чытыри были* (Старый Белый Яр Чердаклин.). В аналогичной форме под ударением зафиксировано окончание *-е*: *Сычуг эт у свиные* (Русский Юрткуль Старомайн.); *Как у человека, и такое — у свиные тожъ такое* (Русский Юрткуль Старомайн.). В данном случае можно предполагать особую форму, обусловленную наличием предлога *у* [Тер-Аванесова 2002: 173].

В говоре других деревень у существительных ж. р. (с основой на -а) в предл. п. ед. ч. отмечено окончание -ы (в мягком варианте -и): *В этай стараны вот дальше — там Ольгафка* (Кремёнки Старомайн.); *На землі вот кучък наделаи и вот ходиш, ф подол яйца-ть возъмѣш, по этай земле-т прыгаиш, прячѣш яйца-ти* (Ерыклинск Мелекес.). Примеры с безударным окончанием нельзя считать надёжными в связи с возможной редукцией: *Ну а фскоре пошла глядеть — там он сидит на курицы* (Ерыклинск Мелекес.); *Кода прясьть, чосали, кудель уш тут была, мяли на мяльницы, рас-часывали* (Ерыклинск Мелекес.). По сделанным записям можно заметить, что данная особенность уходит под влиянием литературного языка.

1.5. Особенности склонения названий населённых пунктов с суффиксом -ск (типа *Ульяновск*) проявляются в некоторых падежных формах. Диалектных форм им., род. и дат. падежей в наших материалах не было отмечено. В вин. п. зафиксирован один случай оформления географического названия по типу прилагательного: *Внук поехал в Ульянафский, учылса в Ульянафским* (Крестово-Городище Чердаклин.). В то же время отмечены общеупотребительные формы вин. п.: *Эт хозяйка уехала к сыну в Ульянафск* (Красная Река Старомайн.); *У ней колокольня была, Ульянафск в бинокль как на ялأنачке видать была* (Старый Белый Яр Чердаклин.). В формах твор. п. регулярно фиксируются окончания адъективного типа: *А вот за Ульянафским есть наверна два-три монастыря* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Ево на войне убили у нас пѣт Смоленским, бумаги пришли* (Старый Белый Яр Чердаклин.). Такая же форма, совпадающая с формой твор. п., отмечается и в предл. п.: *Внучка в Ульянафским учица* (Ерыклинск Мелекес.); *Я в Ульянафским в больницы лежала* (Старая Майна). Эта же восточная среднерусская особенность (совпадение окончаний предл. п. и твор. п. в формах мужского рода) отчётливо выражена у личных и указательных местоимений (см. пункт 2.2), а также у прилагательных (см. пункт 3.2).

1.6. Можно отметить и некоторые диалектные особенности в области синтаксиса падежных форм существительных. Так, при обозначении года (в *этом году*, в *прошлом году* и т. д.) могут использоваться формы вин. п. без предлога, предл. п. без предлога или твор. п.: *Вот нынче годом угодила хорошъ погода* (Красная Река Старомайн.); *Но они поля-то переменяюца каждым годом* (Красная Река Старомайн.); *Вот прошлый гот семечки там росли, сажали* (Кремёнки Старомайн.); *Ну и черти притаишыли сюда сорок шестом году, когда Писе-ть умер? Какем году-т?* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.).

Итак, наиболее устойчивые диалектные формы характерны для существительных с основой на заднеязычный согласный, которые в форме твор. п. мн. ч. имеют безударное окончание -ими вместо закономерного -ами (*цып-ляткими*). Также можно отметить частотность показателя -ов (-ев) для род. п. мн. ч. существительных любых основ и типов склонения (*бапкаф, местоф*). Остальные же особенности падежных форм существительных не являются столь устойчивыми и систематическими.

2. Особенности склонения местоимений

Значительный интерес в исследуемых говорах представляет лексика указательно-заместительного характера. Здесь рассматриваются те её особенности, которые в этих говорах являются систематическими.

2.1. Так, в подсистеме личных местоимений необходимо отметить прежде всего регулярность употребления формы *оне* в качестве личного местоимения 3-го л. мн. ч. в им. п.: *Курица зовёт цыплят, клохчет и оне бегут фсе* (Кремёнки Старомайн.); *Как звуки дают оне?* (Красная Река Старомайн.); *А лапти, оне вот такие* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.). Данная особенность является наиболее устойчивым грамматическим диалектизмом, сохраняется в речи сельских жителей с разным уровнем образования и разного возраста. Местоимение 2-го л. ед. ч. (*ты*) и возвратное местоимение *себя* в дат. п. имеют формы *тее* и *сее*, а в вин. п. — *тея* и *сея* (*сия*) (*Фставай учёчикам, во фсе дыры тея будут совать, замучают, а я тее помогу* — Ерыклинск Мелекес.; *Вот Гали Казаковой мать, она не для людей, а для сея выбивала* — Ерыклинск Мелекес.), а также аллегривные формы *те*, *се*, *тя*, *ся* (*Если вот у тя есь чаво-нибуть, крушка, оне нальют те воды* — Крестово-Городище Чердаклин.).

2.2. Из других форм личных местоимений отметим форму предл. п. ед. ч. м. р. местоимения 3-го лица (*на*) *ним*, которая совпадает в этом говоре с формой твор. п. (*с*) *ним*: *Лосёнка выучить и проехать на ним как на лошади* (Красная Река Старомайн.); *Ну вот сидиш на ним, а тут гребень и прядёш* (Старая Майна Старомайн.). Однако фиксируются и совпадения форм твор. п. с формами предл. п. (*на*) *нём* — (*с*) *нём*: *А потом после войны мы с нём поженились, дети пошли* (Ерыклинск Мелекес.). Совпадение формы предл. п. с твор. п. также наблюдается у указательных местоимений *этот*, *это*, *тот*, *то* (м. и ср. р.): *Ток реву: в этим углу этим голосом, в этим углу этим* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *А жили мы недалёка ф тем конце* (Красная Река Старомайн.); *И вот двое: один на тем, другой на этим* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *Сичас каша — тагда заварихай звали — эт из муки, в чугуне вот в эдаким* (Старая Майна Старомайн.). Что касается соответствующих местоимений ж. р., у них формы предл. и твор. пп. совпадают не только в данном говоре, но и в литературном языке: *с ней* — *на ней*, *с этой* — *на этой*.

2.3. Следующая яркая диалектная особенность касается склонения местоимённых прилагательных с основой на заднеязычный звук и с ударением на окончании: *такóй*, *какóй*, *никакóй*, *какóй-нибудь*, *какóй-то*, *другóй*. Специфика склонения таких слов проявляется в наличии у них особых ударных окончаний: *-е*, *-еи* в им. и вин. падежах мн. ч., *-ех* в род. п. мн. ч., *-ем* в твор. и предл. падежах ед. ч.: *А вот марозы-ть были какéи* (Кремёнки Старомайн.); *Вырастила детей хороших такех* (Ерыклинск Мелекес.); *Она живёт в другом ряду* (Красная Река Старомайн.). В им. п. мн. ч. чаще представлены формы со стяжённым окончанием: *Каке*

на ум придут, **таке** и пели (Красная Река Старомайн.); *А надевать-ть худы съпаги, **какё-нибуть*** (Кременские Выселки Старомайн.). Можно отметить также стяжённую форму род. п.: *Оне зайдут во-о **по кех** в воду* (Старый Белый Яр Чердаклин.).

Такие же окончания (-е в им. и вин. пп. мн. ч., -ех в род. и вин. пп. мн. ч., -ем в твор., дат. и предл. пп. ед. ч. мужского и среднего рода) зафиксированы и для числительного-прилагательного *один*, -а, -о (мн. ч. *одне*): *Свёкрофь сюды приехала с сынъм с **однем*** (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Вот у **одних** прямъ вот и иголки не осталос там* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Я однем колол [собаку], если правильно заколеш, ты не узнаш* (Русские Юрткули Старомайн.).

Окончание -е в им. п. мн. ч., -ех в род. и вин. пп. мн. ч., -ем в дат. п. встречается и у притяжательных местоимений, в частности в наших записях у местоимений *свои*, *мои*: *Вот пожалуста **мое** ръятишки* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Потом вот даёш [молоко] **своем**, может, у ково нет* (Красная Река Старомайн.); *Берут вот **своих*** (Красная Река Старомайн.). Описанные формы прилагательных и местоимений с гласным -е в окончаниях довольно устойчиво сохраняются в речи пожилых людей, в том числе и у получивших образование. В речи молодых людей подобные формы в наших материалах не встретились.

Таким образом, в русских говорах Ульяновской области можно выделить специфический тип склонения «на -е», т. е. с обязательным гласным -е в окончаниях различных типов местоимений в падежных формах множественного числа, а также в отдельных формах единственного числа.

Им. п. мн.ч. (вин. п. мн. ч.)	Род. п. мн. ч. (вин. п. мн. ч.), предл. п. мн. ч.	Дат. п. мн. ч., твор. п. ед. ч., предл. п. ед. ч.
какеи, каке	какех	какем
такеи, таке	такех	такем
никакеи	никакех	никакем
другеи	другех	другем
каке-то	какех-то	какем-то
каке-нибудь	какех-нибудь	какем-нибудь
мое	моех	моем
свое	своех	своем
одне	однех	однем

Следует указать, что в наших записях не было зафиксировано диалектных форм твор. п. мн. ч., отмечены лишь общепотребительные формы *такими*, *какими*, *своими*, *одними* и др.

Подобные диалектные формы местоимений С. А. Мызников зафиксировал в русских говорах Чувашской Республики и Республики Марий Эл

[Мызников 2005: 45, 69]. Там же приводятся аналогичные формы для прилагательных. В целом склонение местоимений с фонемой *e* характерно для восточной части среднерусских окающих говоров и для говоров Костромской области [Аванесов, Орлова 1964: 128, 295].

3. Особенности склонения прилагательных

3.1. В системе склонения прилагательных не зафиксировано регулярных значимых дифференциальных черт. Однако и здесь отмечены «следы» специфического типа склонения «на *-e*», характерного для указательно-заместительной лексики. В наших материалах особые формы с гласным *-e* в падежных окончаниях зафиксированы для прилагательных с ударным окончанием *большой* и *плохой* в формах им. и вин. пп. мн. ч. (окончание *-ei*), род. п. мн. ч. (окончание *-ex*), предл. п. ед. ч. (окончание *-em*): *Он помещишк-та в **большем** селе...* (Крестово-Городище Чердаклин.); *Сапок и хороших и **плахех**, асобенна резинавы, фсё же гарит харашо* (Кремёнки Старомайн.); *А эти **большей-тъ**, которые заготовили, сложена были* (Старая Майна Старомайн.); *Вот эт сувои, сувои **бальшей*** (Кремёнки Старомайн.); *За эта он платит налоги, канешна, **бальшей-та**, вы панимаите?* (Кремёнки Старомайн.).

3.2. В расшифрованных материалах встретилось несколько форм предл. п. ед. ч. м. р. прилагательных, совпадающих с формами твор. п. ед. ч. м. р.: *Как во тереме свечы горят, **Во высоком ясным тёплица*** (Ерыклинск Мелекес.); *Из армии с войны осталса в Рахъё, на **Ладашским** озере* (Ерыклинск Мелекес.); *А мы в **родительским** осталис, их пькоронили, и вот в **родительским** дому я жыву* (Старый Белый Яр Чердаклин.). Надо сказать, что традиционная форма предл. п. прилагательного м. р. в наших записях отмечена всего один раз: *Вот такой кружочэк на **металичэскъм** стаяке* (Старая Майна Старомайн.).

3.3. Наконец, записи русских говоров Симбирского Заволжья выявляют такую устойчивую фонетическую черту в окончаниях прилагательных, как стяжения гласных с выпадением интервокального *j* в им. и вин. пп. ед. и мн. ч.: *Эта вот листки вот эти фсе **верхни-ти зелёны**, их бабы пополоцут, и вот изрубют капусту **чорну-чорну зелёну**, эта на шиы* (Ерыклинск Мелекес.); *Да потому што **никчомушно** дело* (Старая Майна Старомайн.); *И котора **дойна**, котора **недойна**, фсё порось, эта вот **недойна** она идёт взапуск, эта утелилась, она **дойна*** (Красная Река Старомайн.); *Была церькафь у нас **пригромна*** (Кремёнки Старомайн.).

4. Особенности словоизменения числительных

В целом падежные формы числительных в русских говорах Ульяновской области соответствуют общеупотребительным: *С **двух** сторон вот*

так вот рят кладут, и ззесь вот рят, пряма на снопах стояли и молотют (Старая Майна Старомайн.); Самокатки на **трѣх** колѣсиках, на **трѣх** этих, коньках, и пошол, ой лёташ! (Старый Белый Яр Чердаклин.); Вот вокурат она угодила, вот дала: до **чѣтырѣх** до **пяти** килограм был привес (Красная Река Старомайн.).

Количественные числительные со значением больше десяти, как правило, остаются неизменяемыми: *С децтва, шчытай с **тринацать** лет три года свинаркой работала и дояркѣй сквозь до **сорок** лет* (Красная Река Старомайн.); *Много прям откладыають матѣчникаф, до **двадцать** матѣчникаф* (Красная Река Старомайн.). При этом зависимое существительное принимает закономерную форму род. п. ед. ч.: *Я с **тринацать** лет сорок третем году я уже, я ветѣ чѣтыре класса всево кончил сорок первам году, а сорок фтором году пошѣл ф пятый класс* (Крестово-Городище Чердаклин.); *У меня мама жила до **восемисят** **пять** лет* (Красная Река Старомайн.).

Неизменяемым является и слово *раз* в количественных сочетаниях и с частицей *ни*: *Три **рас** ф сутки* (Красная Река Старомайн.); *Я **ни рас** не была там и не знаю, што за село* (Кремѣнки Старомайн.); *Магазин у нас **два рас** в неделю* (Кременские Выселки Старомайн.); *Тонкѣрунные стригут один **рас** в гот, а вот грубошорстны **два рас** — осенью и весной* (Русские Юрткули Старомайн.).

Конечно, в спонтанной речи количественные числительные, особенно составные, сохраняют формы склонения менее последовательно, чем в кодифицированном литературном языке. Однако русские говоры Ульяновской области могли в некоторой степени подвергнуться и влиянию контактных языков. Например, в чувашском, тюркском и мордовских языках числительные в сочетании с существительными — в так называемой краткой (основной, исходной) форме — употребляются в неизменяемом виде [Андреев 1966: 50; Закиев 1966: 145; Феокистов 1966: 184; 1966а: 207]. Числительные в этих языках склоняются только тогда, когда они выступают в роли имѣн существительных [Андреев 1966: 50; Феокистов 1966: 184].

Некоторые итоги

Подводя итоги сказанному, можно выделить наиболее значимые диалектные особенности в системе словоизменения русских говоров Симбирского Заволжья. Это прежде всего особый тип склонения «на -е», характерный для местоимений, местоимѣнных прилагательных и полнозначных прилагательных с основой на заднеязычный согласный и с ударением на флексии (*оне, мое, такеи*). Данная особенность уже описана как характерная черта восточных неполноокающих говоров. В области склонения существительных наиболее устойчивой диалектной чертой является «местоимѣнное» окончание *-ими* в форме твор. п. мн. ч., которое имеют существительные с основой на заднеязычный согласный. Как было указано выше, эта

черта характерна для восточных южнорусских и среднерусских акающих говоров, а также говоров с неполным оканьем. Ещё одной значимой особенностью склонения существительных, имеющей довольно широкое территориальное распространение, является показатель *-ов (-ев)* для род. п. мн. ч. существительных женского и среднего рода, что в большей степени характерно для южнорусских говоров. Наконец, отметим использование в речи неизменяемых форм числительных, особенно со значением больше десяти. Многие другие особенности именного словоизменения уходят под влиянием общеупотребительного языка. Однако и такие особенности, восстанавливаемые по остаточным диалектным формам, могут помочь выявить те материнские говоры, которые были принесены на территорию Симбирского Заволжья вместе с потоками переселенцев и участвовали в формировании вторичных говоров в Среднем Поволжье.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1949 — Р. И. А в а н е с о в. Очерки диалектологии Рязанской Мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 135–236.

Аванесов, Орлова 1964 — Русская диалектология / Ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964.

Андреев 1966 — И. А. А н д р е е в. Чувашский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 43–65.

Булатова 1981 — Л. Н. Б у л а т о в а. Взаимоотношение одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах (на материале безударных окончаний творительного падежа множественного числа) // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 107–114.

Закиев 1966 — М. З. З а к и е в. Татарский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 139–154.

Зиброва, Фурман 2012 — Т. Ф. З и б р о в а, Ю. Д. Ф у р м а н. Об одном междиалектном явлении в говорах территории позднего заселения // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2012. С. 229–236.

Мордвинов 2007 — Ю. Н. М о р д в и н о в. Взгляд в прошлое. Из истории селений Старомайнского района Ульяновской области. Ульяновск, 2007.

Мызников 2005 — С. А. М ы з н и к о в. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб., 2005.

Мызникова 2015 — Я. В. М ы з н и к о в а. Левобережные говоры Ульяновской области как маргинальный ареал севернорусского континуума // Севернорусские говоры. Вып. 14: Межвузовский сборник / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2015. С. 59–71.

Тер-Аванесова 2002 — А. В. Т е р - А в а н е с о в а. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных **a*-склонения в восточнославянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 168–209.

Феоктистов 1966 — А. П. Феоктистов. Эрзянский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 177–198.

Феоктистов 1966а — А. П. Феоктистов. Мокшанский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 199–220.

Статья получена 06.05.2019

Yanina V. Myznikova

Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
janinam@mail.ru

SPECIFICITY OF NOMINAL DECLENSION IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE ULYANOVSK REGION

Nominal declension in the Russian dialects of the Ulyanovsk region has several interesting features. The article describes specific features in the declension of nouns, pronouns, adjectives, and numerals. In noun inflection, the dialectal forms of the genitive and instrumental plural are especially stable. Significant dialectal features are present in the declension paradigms of pronouns and some adjectives. In the system of pronouns, a specific type of declension with the vowel *e* in the endings of plural forms should be noted. Such forms are also typical for adjectives with the stem ending in velar consonants. Finally, the use of indeclinable numerals higher than 10 in speech is worth mentioning.

Keywords: nominal declension, Russian dialects, dialect features, declension paradigm, case forms, velar consonants

References

- Andreev, I. A. (1966). Chuvashskii yazyk. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Yazyki narodov SSSR. Tiurkskie yazyki* (pp. 43–65). Moscow: Nauka.
- Avanesov, R. I., Orlova, V. G. et al. (Eds.). (1964). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Nauka.
- Bulatova, L. N. (1981). Vzaimootnoshenie odnoimennykh form sushchestvitel'nykh i prilagatel'nykh v russkikh govorakh (na materiale bezudarnykh okonchaniy tvoritel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla). In R. I. Avanesov (Ed.), *Dialektologiya i lingvo-geografiya russkogo yazyka* (pp. 107–114). Moscow: Nauka.
- Feoktistov, A. P. (1966a). Erzyanskii yazyk. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Yazyki narodov SSSR. Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki* (pp. 177–198). Moscow: Nauka.
- Feoktistov, A. P. (1966b). Mokshanskii yazyk. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Yazyki narodov SSSR. Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki* (pp. 199–220). Moscow: Nauka.
- Mordvinov, Yu. N. (2007). *Vzgliad v proshloe. Iz istorii selenii Staromainskogo raiona Ul'ianovskoi oblasti*. Ulyanovsk: Karavan.
- Myznikov, S. A. (2005). *Russkie govory Srednego Povolzh'ia: Chuvashskaia Respublika, Respublika Marii El*. St Petersburg: Nauka.

Myznikova, Ya. V. (2015). Levoberezhnye govory Ul'ianovskoi oblasti kak marginal'nyi areal severnorusskogo kontinuum. In A. S. Gerd (Ed.), *Severnorusskie govory* (Vol. 14, pp. 59–71). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Ter-Avanesova, A. V. (2002). Okonchaniia roditel'nogo, datel'nogo i mestnogo padezhei edinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh **a*-skloneniia v vostochnoslavianskikh dialektakh. In L. E. Kalnyn (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. T. 8: Vostochnoslavianskaia dialektologiya, lingvogeografiia i slavianskii kontekst* (pp. 168–209). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Zakiev, M. Z. (1966). Tatarskii yazyk. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Yazyki narodov SSSR. Tiurkskie yazyki* (pp. 139–154). Moscow: Nauka.

Zibrova, T. F., & Furman, Yu. D. (2012). Ob odnom mezhdialektnom iavlenii v govorakh territorii pozdnego zaseleniia. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov – 2012* (pp. 229–236). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Received on May 06, 2019